

УДК 316.347

АЛЕКСАНДР НЕЛЬГА,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философских проблем этноса и нации Института философии НАН Украины, профессор кафедры социологии Национального авиационного университета

Этническая социология как наука

Аннотация

Этническая социология превращается сегодня, в условиях возрастания значения этнонациональной проблематики в общественной жизни, в одну из важных отраслей социологического знания. Вместе с тем в сфере отечественного социологического теоретизирования она является относительно молодой социологической теорией среднего уровня. То есть ограниченным является и круг публикаций, отдельно посвященных собственно этносоциологии.

Этим объясняется наличие ряда проблем, характерных для становящейся науки. Среди них прежде всего формулировка понятий объекта и предмета, определение главной цели, основных задач и функций этой науки, выяснение ее места и роли в структуре социологического знания. Необходимость решения обозначенных проблем обусловила полемический характер данной статьи. Автор, обосновывая актуальность этнонациональной тематики, особо акцентирует ее связь с глобальными миграционными процессами. В статье подчеркивается важность для этносоциологии, как и для любой социологической науки, проблемных подходов. Активно поддерживаются идеи о необходимости выделения главной функции этносоциологии, целесообразности соблюдения национальных приоритетов в определении предметных направлений этносоциологических исследований, а следовательно, изменениях предметного поля этих исследований. Автор рассматривает данную статью как приглашение к дискуссии.

Ключевые слова: *этническая социология, главная функция этносоциологии (Украина), приоритетные предметные направления (Украина)*

Факторы актуализации этнонациональной проблематики

Как известно, сегодняшний этнический ренессанс и так называемая “эра национализм” начались на Западе во второй половине XX века, когда, как отмечает украинский социолог Н. Черныш, “оказалось, что индустриализация и связанные с ней урбанизация и усиление влияния средств массовой коммуникации не только не затушевывают значения и роли этничности, а наоборот, усиливают стремление людей к сохранению этнической идентичности... В эпоху *этнического ренессанса* большое значение приобретают лозунги автономии или самоуправления вплоть до построения собственного независимого государства” [Черныш, 2009: с. 241].

Главными факторами этих явлений следет назвать всеобщее распространение в мире идей и норм равенства, процессы деколонизации, распад государств-этноконгломератов и глобальный размах миграционных процессов. Так, по мнению современного американского этнополитолога Д.Л.Горовица, “распространение норм равенства (прежде всего после Второй мировой войны. — А.Н.) сделало этническую субординацию незаконной и побудило этнические группы во всем мире сравнить свое положение в обществе с положением подобных групп в соседних странах” [Горовиц, 2004: с. 16]. “Деколонизация (в Азии и Африке после Второй мировой войны. — А.Н.), — пишет он, — ...начала ощущаться в Европе и Северной Америке. Завоевание суверенитета бывшими бельгийскими территориями в Африке (Заир, Руанда и Бурунди) стимулировало появление этнических проблем в самой Бельгии со стороны фламандцев. ...Эмансипация Африки также повлияла на сознание афроамериканского населения (в США. — А.Н.), и расовая дискриминация для многих американцев стала казаться аномальным явлением. В Канаде некоторые франкоязычные квебекцы... определяли свое положение аналогично с положением афроамериканцев, называя себя “белыми неграми Америки”” [Горовиц, 2004: с. 15–16].

Конец 1980-х — начало 1990-х годов обозначились в Европе, с одной стороны, объединением Германии, а с другой — распадом Югославии, Чехословакии и Советского Союза. На карте Европы появилось много новых государств-наций, что создало новую систему межнациональных отношений. Вместе с тем каждое новое государство ощутило в себе определенное межэтническое напряжение. К тому же, хотя *de jure* и возникли новые нации, но *de facto* они, как определенные социально-экономические и политико-правовые единства, еще должны сформироваться. Это, разумеется, в полной мере касается Украины.

Все более острой становится для человечества *проблема перенаселения*. Департамент народонаселения ООН в 2003 году оценивал население земного шара в 6,3 млрд человек. По его оценкам, к 2050-му оно возрастет до 8,9 млрд, почти полностью (на 2,6 млрд) за счет стран “третьего мира” из Азии, Африки и Латинской Америки (подр. см.: [Крисаченко, 2005]). Эта ситуация практически однозначно превращает их в *основные миграционные источники* для стран со стабилизированным количеством населения, а то и с негативным естественным приростом” (курс. мой. — А.Н.) [Крисаченко, 2005: с. 271]. В Докладе глобальной комиссии по международной миграции за 2005 год по поводу масштабов миграционной проблемы утверждается, что “доля мигрантов удвоилась за последние 25 лет, достигнув почти 200 млн лиц, или 3-х про-

центров населения мира, *основной мотивацией которых является поиск работы* (курс. мой. — А.Н.)” [Кресіна, Стойко, 2009: с. 626]. То есть в наше время *эмиграция, вызванная перенаселением* в странах-донорах, неминуемо оборачивается *трудовой иммиграцией для стран-реципиентов*.

Не обошли стороной глобальные демографически-миграционные процессы и Украину, однако сегодняшняя ситуация здесь подпадает скорее под определение *“катастрофическая депопуляция”*, нежели перенаселение. Ведь уже много лет смертность в Украине превышает рождаемость. Достаточно привести тот факт, что, будучи одной из 30-ти стран мира с наиболее многочисленным населением, Украина единственная среди них, начиная с 1980 года, не увеличила его, а уменьшила (и продолжает уменьшать) (см. : [Крисаченко, 2005: с. 274]). Если перемен к лучшему не произойдет, то, по прогнозам демографов, уже в 2030 году украинцев будет 39 млн (см. [Кресіна, Стойко, 2009: с. 628]).

В дополнение к названным демографическим опасностям Украина, *во-первых*, страдает от роста эмиграции людей трудоспособного возраста, что ощутимо ухудшает ситуацию на отечественном рынке труда и экономическое положение страны. Так, за рубежом на сегодня находится, по разным данным, от 5-ти до 7-ми млн трудовых мигрантов-украинцев (см.: [Стан дотримання, 2003: с. 41]). Специфичность ситуации заключается в том, что трудовыми мигрантами являются в основном сельские мужчины с невысоким уровнем образования из западных регионов [Міграційні процеси, 2007: с. 111], а точнее, этнические украинцы. Все это чрезвычайно актуализирует *проблему сохранения численности традиционных этнических общностей украинского народа, и особенно — украинцев как титульного этноса страны*.

Во-вторых, “высвобождающееся жизненное пространство” Украины в соотношении почти 1 : 1 заполняют иммигранты-иностранцы. Так, в 2005 году Украина приняла их 6,8 млн (см. : [Кресіна, Стойко, 2009: с. 627]). Сегодня ничего подобного не наблюдается ни в одной из стран Западной, Южной, Центральной и даже Восточной Европы. Миграционную ситуацию в Украине можно определить как уникальную, поскольку Украина является крупномасштабным миграционным донором и реципиентом одновременно. Но, *в-третьих*, Украина также является транзитной — на пути в Западную и Центральную Европу — территорией для выходцев из слаборазвитых стран Азии и Африки. Весьма негативным следствием международной миграции является возникновение *межэтнических конфликтов*, и эта проблема не может не касаться Украины.

В итоге миграционная ситуация в Украине имеет эмиграционно-транзитно-иммиграционный оттенок. Подобное состояние усиливается и закрепляется в результате заключения Соглашения Украины со странами ЕС *о реадмиссии*, что со стороны Запада оказывается реакцией на явление *нелегальной трудовой иммиграции*. От этого явления сегодня страдают все страны-реципиенты Западной, Южной и Центральной Европы, причем эта иммиграция оказывается не настолько стихийной, как кажется на первый взгляд. Это достаточно организованный процесс. Как отмечает Э.Гидденс, “операции с иммигрантами-нелегалами превратились в одну из самых быстро развивающихся отраслей организованной преступности в Европе”. При этом “ежегодно в страны ЕС контрабандой ввозится 400 000 человек” [Гидденс, 2005: с. 246]. Понятно, что в таких условиях на первый план в им-

миграционной политике стран ЕС наряду с экономическими интересами выходят духовно-культурные и политико-правовые интересы, и прежде всего — *сохранение этнической и национальной идентичности* (см., напр.: [Вітман, 2009]).

15 января 2008 года Верховная Рада ратифицировала Соглашение о реадмиссии, которое вступило в силу с 1 января 2010 года (см.: [Вісник, 2008: с. 86]). Должен отметить, что таким образом свою *проблему нелегальной иммиграции* страны ЕС решают на неприемлемых для Украины условиях. Согласно данному Соглашению, Украина обязалась принимать назад от стран ЕС тех *нелегальных иммигрантов*, которые пересекли украинские западные границы, направляясь транзитом в страны ЕС. Но, поскольку речь идет о сотнях тысяч людей, то действие реадмиссии в сочетании с резким иммиграционным притоком в Украину создают реальную и *довольно опасную проблему сохранения традиционными этническими общностями Украины своей самобытности, а также ставят под вопрос возможность формирования в Украине политической нации именно на базе этих общностей, которые, как единый народ, имеют общую ментальность и общую, единую идентичность.*

Итак, в сегодняшнем мире, который постоянно пополняется новыми национальными государствами:

- 1) некогда внутренние для колониальных империй или государств-конгломератов межэтнические отношения сейчас выходят на уровень межнациональных;
- 2) в то же время почти незаметное прежде присутствие на территориях отдельных стран этнических меньшинств, которые до сих пор были безгосударственными, в данное время приобретает характер внутригосударственной этнополитической напряженности;
- 3) и в тех государствах, где не произошло никаких территориальных изменений, “бацилла” идеи этнического равенства либо пробуждает сознание этноменьшинств и этногрупповое сознание (например, у фламандцев в Бельгии, у басков в Испании, у курдов будь то в Турции или в Ираке), либо приводит к определенным этнополитическим изменениям (к примеру, введению в Канаде, по требованию франкоязычных квебекцев, французского языка в качестве второго государственного);
- 4) наконец, нынешние крупномасштабные миграционные движения в мире приводят к заметным деформациям этнического состава государств Западной Европы и Северной Америки, а для такого государства, как Украина, приобретают характер этнической интервенции, ведь появление в конкретной стране, тем более в не очень большой, значительных иноэтнических масс людей способно определенным образом деформировать не только социально-экономическую сферу жизни нации-государства, но и культурную, духовную или политическую сферы, создавая опасную криминогенную ситуацию.

Можем констатировать, что сейчас этнические и национальные проблемы во всем мире, а в Украине — особенно, заостряются и актуализируются, привлекая внимание многих исследователей разных специальностей и побуждая к созданию новых направлений научных исследований. И среди последних важное место занимает этническая социология.

Этническая социология: основные определения

Специального объяснения требуют некоторые особенности возникновения *названия* этой науки. Здесь имеет смысл отметить, что, по мнению украинской исследовательницы-этносоциолога из Харькова В.Арбениной, наука, представители которой в начале XIX века развернули широкие народоведческие исследования (преимущественно так называемых примитивных народов), только в Германии получила название “этнология”, а в России, Франции и многих других странах определялась как “этнография”, в Великобритании — как “социальная антропология”, а в США — как “культурная антропология” [Арбенина, 2007: с. 11–12].

Относительно разных подходов к наименованию народоведческих исследований (учитывая наличие различных уровней этих исследований) высказался в 1973 году тогдашний ведущий советский специалист по этнонациональной проблематике Ю.Бромлей: “Если у нас этнография традиционно объединяет описательный и теоретический уровни исследований, — писал он, — то в западной науке принято проводить их терминологическое разграничение, именуя первый — этнографией, второй — этнологией” [Бромлей, 1973: с. 3]. В 1997 году в своем курсе лекций “Теория этноса” я высказался в пользу именно такого, западного понимания теоретического народоведения, то есть — как этнологии [Нельга, 1997: с. 5]. Собственно говоря, и Арбенина признает, что, учитывая народоведческие исследовательские практики (по крайней мере — в Украине), “все активнее на роль науки, интегрирующей все знания относительно народов, претендует этнология” [Арбенина, 2007: с. 6, 15, 17].

Вполне закономерно, что от этой науки (которая обобщает и одновременно методологически обеспечивает народоведческие исследования) тогда, когда в ней возникла насущная необходимость в социологическом изучении ее специфических проблем [Арбенина, 2007: с. 12], отделилась наука, за которой сначала в России [Арутюнян, 1984], а затем и в Украине закрепилось название, данное ей в 1930-х годах немецким ученым Р.Турнвальдом, а именно — “этносоциология”.

Как утверждает известный украинский этносоциолог и этнополитолог В.Евтух, история этносоциологии началась на территории бывшего СССР в 1960-х годах, то есть несколько десятков лет назад. “Примерно в середине 1980-х годов, среди многих терминов для обозначения этнических явлений “этнос” был в какой-то степени конституирован, по крайней мере его активно употребляли российские исследователи, преимущественно этнографы и этнологи”. Затем его начали употреблять и в социологии. Итак, словообразование “этносоциология”, считает В.Евтух, относится к новейшему времени, и возникло оно благодаря необходимости исследования этнических явлений при помощи характерных для социологии методов [Евтух, 2007: с. 6].

В то же время “в западном обществоведении этносоциологические исследования и этносоциологические знания не объединялись под ставшим для нас привычным термином “этносоциология”. В Соединенных Штатах, Канаде и в некоторых европейских странах термином, соответствующим (по содержанию) нашему термину, является “социология межэтнических и расовых отношений” (именно такие курсы читают в американских университетах)” [Евтух, 2007: с. 6–7].

В Украине этносоциология как наука начала формироваться с конца 80-х годов XX века. Сегодня научными центрами, занимающимися исследованием этнических проблем (в том числе на этносоциологическом уровне) в рамках Национальной академии наук Украины, являются Институт социологии, Институт философии им. Г.С.Сковороды, Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Кураса, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Рыльского.

Относительно объекта этносоциологии как науки не существует достаточной четкости взглядов. Например, В.Арбенина, определив, что *объектом* этносоциологического исследования являются *этнические и национальные группы* [Арбенина, 2007: с. 18], далее уточняет, что *главным объектом* являются *этнонациональные группы* [Арбенина, 2007: с. 23]. Она полагает, что “разграничение на этнические и национальные группы, как и разграничение на этносы и нации в современном обществоведении *не решено однозначно* и, как правило, требует применения качественных критериев. Это целесообразно при исследовании конкретных общностей, особенно если изучается процесс *трансформации этноса в нацию*. Когда речь идет о выборе единиц этносоциологического анализа, то использование термина “этнонациональные группы” снимает те принципиальные различия, которые, в соответствии с отдельными существующими концепциями, могут существовать между этими типами общностей” (курс. мой. — А.Н.) [Арбенина, 2007: с. 23].

По поводу такой позиции у меня есть ряд замечаний. Прежде всего я настаиваю на том, что утверждение В.Арбениной о том, будто бы “разграничение на этнические и национальные группы... в современном обществоведении не решено однозначно”, не соответствует действительности. Дело в том, что когда В.Арбенина опубликовала 2-е издание своего учебного пособия (2007 года) [Арбенина, 2004], прошло уже 10 лет с тех пор, как вышло (весьма доступным тиражом в 3 тыс. экземпляров) мое учебное пособие “Теория этноса”. “Если этнос является образованием преимущественно культурно-духовным, — писал я тогда, в 1997 году, — народ — социально-историческим, то нация является образованием преимущественно социально-экономическим и политико-правовым” [Нельга, 1997: с. 14]. Полагаю, что таким образом вполне однозначно осуществлено разграничение понятий этноса и нации.

И девять лет спустя (то есть — в 2006 году) моя позиция осталась неизменной. Тогда во всеукраинском научно-теоретическом журнале “Філософська думка” я разместил статью под названием “Этнос, народ, нация как понятия и социокультурные феномены”, где вновь однозначно разграничил, с одной стороны, украинский народ и этносы Украины (как составляющие единого народа), а с другой — украинскую политическую нацию и этносы и этнические меньшинства Украины (как составляющие этой единой нации) [Нельга, 2006: с. 38–39, 45–46]. Такова моя позиция и сегодня.

В соответствии с моей концепцией, формирование политической нации не может осуществляться без участия этносов, но так же невозможна “трансформация этноса в нацию”, как это себе представляет В.Арбенина. Такая умозрительная трансформация возможна только при условии понимания этногенезиса как процесса реализации схемы-триады “племя — народность — нация”, которую справедливо критикуют нынешние российские этнологи. В частности, С.Рыбаков еще в 2001 году писал, что авторы указанной схемы-триады “в рамках единой концепции пытались объединить *две совершенно разные предметные области — этнос и нацию*” (курс. мой. —

А.Н.) [Рыбаков, 2001: с. 7]. Понятно, что С.Рыбаков тоже вполне “однозначно” осуществляет “разграничение” понятий этноса и нации.

Наконец, такой же является позиция этносоциолога из Львова В.Середы, которая заявляет: “*Как и многие другие авторы, мы различаем понятия “этнос” и “нация”*” (курс. мой. — А.Н.), если первое еще не имеет политического значения, то второе ложится в основу определенной политической идеологии” [Середа, 2007: с. 25].

Как же “научно” отреагировала В.Арбенина? Вместо того, чтобы присоединиться к нашему с С.Рыбаковым (поскольку учебное пособие В.Середы издано только в 2007 году) мнению или подвергнуть его аргументированной критике, эта исследовательница прибегает к замалчиванию “неудобных” авторов. Однако, как давно известно, *ignorantia non est argumentum* (игнорирование не является аргументом), равно как *argumentum ex silentio* (доказательство, выводимое из замалчивания) не является убедительным.

Таким образом, предложение В.Арбениной представить в качестве *главного объекта* этносоциологических исследований *этнонациональные группы* я рассматриваю как проявление либо теоретической эклектики, либо теоретического фантазирования. Ведь в современном демократическом обществе нация может быть лишь одна (это — политическая нация), а этническое предстает как совокупность титульного этноса, этносов-автохтонов, диаспорных общностей, иммигрантских масс. Современная нация является результатом преимущественно политико-правового развития народа-общества и не может возникать без государства, тогда как этносы — это культурно-духовный продукт многих столетий относительно обособленного и самодостаточного существования, не всегда обусловленного государственностью.

Наконец, наличие в стране таких феноменов, как государство, общество и нация, не дает оснований говорить о существовании некой *государственно-общественно-национальной общности*, которая (на языке В.Арбениной) “снимает те принципиальные различия”, которые могут быть между этими феноменами. Поэтому *этнонациональные группы* как результат объединения (полагаю — в сознании исследователя) этнических групп и национальной общности представляются мне такими же социологическими кентаврами, как, например, “государственно-возрастные” или “страно-половые” группы.

В то же время только что рассмотренный факт является почти закономерным следствием процесса становления украинской этносоциологии как науки. Поэтому справедливо обратиться к объяснению, предложенному В.Середой, которая, в частности, считает, что в украинской этносоциологии “сложилась ситуация определенного терминологического хаоса. Некоторые авторы используют термины “народ”, “этнос” и “нация” как взаимозаменяемые синонимы. Дополнительные трудности создают некорректные переводы некоторых исследований с английского языка, что лишь усиливает терминологическую путаницу, ведь в английском языке термин *nationality* означает и гражданство, и национальность, а *ethnicity* может означать этничность, национальность и даже расу (курс. мой. — А.Н.)” [Середа, 2007: с. 24].

На мой взгляд, этническая социология, как и любая другая обществоведческая наука, своим *объектом* имеет *общество*, но взятое для изучения не вообще, а под определенным углом зрения. Именно таков подход В.Евтуха, который пишет: “объектом этносоциологии (этносоциологических исследований) являются полиэтнические общества (социумы) или общества с

полиэтническим составом населения” [Свтух, 2007: с. 10]. Я в основном присоединяюсь к этому определению, хотя и с некоторыми уточнениями.

Во-первых, полагаю, что хотя нация не является определенным образом трансформированным этносом, однако этнос, этнический фактор играет в формировании нации едва ли не определяющую роль: ведь современное человечество *действительно* представлено преимущественно полиэтническими обществами или обществами с полиэтническим составом населения. Поэтому с пониманием воспринимаю то, что в учебном пособии В.Арбениной “Этносоциология” [Арбенина, 2007] изложена не “чисто” этническая, а именно *этнонациональная тематика* (хотя введение автором понятия “этнонациональные группы” не поддерживаю). Что касается Н.Черныш, то эта исследовательница в своем учебнике “Социология” дает соответствующей теме весьма удачное название: “Этносоциология и социология нации” [Черныш, 2009: с. 239].

Во-вторых, считаю, что объектом этносоциологии являются не просто полиэтнические общества или общества с полиэтническим составом населения, а те *наиболее общие и важнейшие проблемы*, которые возникают в обществе со стороны его этнической определенности и которые, на уровне общесоциологической теории (в отличие от социальной философии), являются составляющими предмета этой теории.

Итак, предлагаю следующее определение: **объектом** этносоциологии как науки являются наиболее общие и самые важные этнонациональные проблемы полиэтнических обществ или обществ с полиэтническим составом населения.

Ответы на вопрос о **предмете** данной науки тоже далеко не единодушны. Так, львовский социолог Н.Черныш, соглашаясь, как она утверждает, “с мнением харьковского социолога В.Арбениной”, считает, что “предметом исследования этносоциологии, присутшим только ей, являются этносоциальные общности и группы”, но чуть дальше мы уже читаем: “основным предметом этносоциологии есть изучение жизнедеятельности *этнонациональных* (курс. мой. — А.Н.) общностей и групп, прежде всего как *социальных субъектов* (курс. Н.Черныш. — А.Н.), процесс достижения ими социальной зрелости” [Черныш, 2009: с. 239–240].

Свое отношение к понятию “этнонациональные общности (группы)” я уже высказал. Однако В.Арбенина рассматривает их не как предмет (что мы читаем у Н.Черныш), а как объект этносоциологии. Что касается предмета этой науки, то В.Арбенина, указывая на распространенные сегодня среди исследователей-этносоциологов “недостаточно четкие представления относительно предмета этносоциологии”, который “чаще всего ... определяется на основе перечня изучаемых проблем” [Арбенина, 2007: с. 7] (с чем нельзя не согласиться), считает, что предмет этносоциологии “можно локализовать четче: это проблемы *механизма* формирования и функционирования *этнонациональных групп* как структурных составляющих общества и субъектов социальной жизни” (курс. мой. — А.Н.) [Арбенина, 2007: с. 8].

Как видим, определив этнонациональные группы в качестве объектов этносоциологических исследований, В.Арбенина и предмет этих исследований связывает с этнонациональными группами, точнее, с проблемами *механизма* их формирования и функционирования. Здесь нужно подчеркнуть, что, не воспринимая такой конструкт, как “*этнонациональные группы*”, я вместе с тем признаю, что сделанный В.Арбениной акцент на *проблемном*

подходе к определению предмета этносоциологии как науки мне импонирует и представляется вполне уместным. Кстати, подобный подход характерен и для Н.Черныш [Черныш, 2009: с. 240].

Носителей рассматриваемых проблем удачнее всего, полагаю, определил, солидаризируясь с российскими исследователями, В.Евтух. Правда, он представляет этих носителей как собственно предмет этносоциологии, считая, что таким предметом являются “социальные аспекты развития и функционирования этнических общностей и их взаимодействие, а также этнические аспекты развития социумов и социальных групп”. При этом В.Евтух, в частности, солидарен с известным современным российским этносоциологом Л.Дробижевой; согласно ее видению, ““предмет этносоциологии” включает социальные события, процессы, связи, явления, имеющие место в *этнически маркированном социальном пространстве* (курс. мой. — А.Н.)” [Евтух, 2007: с. 10]; (см. также: [Дробижева, 2006]).

Таким образом можно подытожить, что **предмет** этносоциологии как науки тройственный: 1) социальные проблемы функционирования, развития и взаимодействия этнических общностей; 2) проблемы функционирования разнообразных социальных групп, обусловленные их этнической маркированностью; 3) проблемы, связанные с участием этнических общностей общества в процессе нациетворчества.

Следует сделать ряд замечаний по поводу *предметного* поля этносоциологических исследований.

Во-первых, я солидаризируюсь с Н.Лукашевичем и Н.Туленковым, которые утверждают, “что приоритеты предметных направлений (этносоциологических. — А.Н.) исследований ... имеют “национальный” характер. В каждой стране мира предпочтение отдают тем или иным направлениям социологии этноса, существуют традиции, значительные научные наработки, прошедшие проверку временем и практикой” [Лукашевич, Туленков, 2006: с. 205]. Кстати, в западноевропейской социологии в целом пока превалирует именно такой подход. Как утверждают киевские социологи О.Куценко и С.Бабенко, “анализ учебников по социологии, которыми в основном пользуются в различных европейских высших учебных заведениях, доказывает, что предметом преподавания социологии в Великобритании остается прежде всего британское общество, во Франции — французское, в Германии — немецкое и т.п., тогда как другие общества лишь иногда рассматриваются в качестве примеров и иллюстрации особенностей проявления того или иного общественного явления” [Куценко, Бабенко, 2009: с. 187].

Поэтому в данном контексте я должен подчеркнуть, что приведенное выше определение предмета этносоциологии ориентировано преимущественно на современные украинские этнонациональные реалии.

В то же время этносоциологи “плюралистических наций” [Лукашевич, Туленков, 2006: с. 207] осуществляют в основном “исследование этнических или национальных меньшинств, под которыми в первую очередь понимают эмигрантские группы и коренное население, которые сформировали современные общества за пределами Европы, главным образом североамериканские. Основные вопросы, рассматриваемые в рамках этого направления: место меньшинств в социальной структуре и стратификации общества, мигранты и миграционные процессы, проблемы создания мультикультурной среды” [Серета, 2007: с. 21].

Во-вторых, следует добавить, что по мере изменения социальных практик общества постоянно изменяется и “реестр” проблем, образующих предметное поле этносоциологии (как, впрочем, и других обществоведческих наук).

Например, в середине 60-х — в начале 70-х годов XX века, когда в бывшем СССР закончилась временная “оттепель”, результатом этого в предметном поле этносоциологии, как отмечает Н. Черныш, “стали доминирование социального над этническим и национальным, сознательное вытеснение последних на обочину научного поиска, искусственное сужение пространства научных исследований проблемами культурно-бытовой и семейной сферы” [Черныш, 2009: с. 240].

В условиях современной Украины — с ее полиэтничным составом населения и при отсутствии сформированной политической нации — предметное поле этносоциологии, полагаю, образуют в основном вопросы изучения путей и средств консолидации всех этнических общностей (но прежде всего — украинской и русской) ради создания единой нации.

Основные задачи этнической социологии как науки современный украинский специалист по этнонациональной проблематике И. Варзар определяет так: “изучать общетипичные свойства этнической социальности — совместимость проживания этносов, народов, их взаимодействие и взаимозависимость, взаимообмен и непрерывную контактность, ... специфические способы существования человечества в этноисторической форме; проявления человеческой жизнедеятельности в этносоциальных контекстах и взаимосвязях этнических общностей; конкретно-исторические особенности социально значимого поведения отдельных репрезентантов, народов, этногрупп и индивидуальностей и другие проблемы” [Варзар, 1993: с. 180]. Считаю, что задачи этот автор представляет слишком подробно и в какой-то мере хаотично. Будучи более лаконичным, В.Евтух утверждает, что “одной из главных задач этносоциологии является выяснение механизма воспроизводства этнических явлений, их взаимодействия с общественными явлениями того или иного социального организма” [Евтух, 2003: с. 10].

По моему мнению, *основные задачи этносоциологии* как науки определяются ее главной целью, ее функциями и предметом и заключаются в выяснении:

- в какой мере и каким образом возникновение социальных проблем обусловлено этническими факторами;
- как социальные проблемы влияют на состояние этнических общностей, на внутриэтнические и межэтнические отношения;
- какова роль и место этнических общностей в решении *проблем нациентворчества*.

Последней из этих задач, думаю, должны быть подчинены две предыдущие, поскольку данное направление исследований подчинено, в свою очередь, *основной цели* украинского этносоциологического теоретизирования на нынешнем историческом этапе, а именно обоснованию места и роли этнических общностей Украины в *формировании украинской политической нации*.

Главная и основные функции этнической социологии. Как считает В.Евтух, “основными функциями этносоциологии являются теоретико-когнитивная, прогностическая, просветительская” [Евтух, 2003: с. 11]. По

мнению В.Арбениной, “среди многих функций этносоциологии самой важной в современных условиях становится ее гуманистическая функция”, а “особо востребованными становятся диагностическая, прогностическая, социально-инженерная и гуманитарно-просветительская функции” [Арбенина, 2007: с. 9, 20]. Добавлю, что этническая социология выполняет, разумеется, и такие функции, как информационная, консультативная и др.

Однако обязательно нужно, что и делает В.Арбенина, определиться относительно главной, важнейшей среди многих функций этнической социологии, что зависит и от понимания объекта и предмета этой науки, и от видения ее предметного поля и основных задач. Исходя из сформулированных определений названных выше научных атрибутов этнической социологии в качестве *главной функции* полагается *нациеконсолидирующая*.

Что касается *основных функций*, то они должны быть подчинены главной. То есть если определенная общность этносоциологов-ученых усматривает главную функцию своей науки именно в нациеконсолидационной сфере, то для них теоретический путь к ее реализации должен проходить через последовательное выполнение таких основных функций, как *аналитическая, диагностическая, прогностическая, информационно-просветительская и консультативная*.

Предлагая такую последовательность, я не настаиваю на том, что, во-первых, количество элементов предложенной цепи исчерпывающее, а во-вторых, их последовательность должна быть именно такой. Соответствующая проблема может стать предметом специального исследования. Тогда как здесь важно привлечь внимание к тому, что основные функции этносоциологии (как и любой другой обществоведческой науки) желательно представлять не хаотически, а в логической последовательности.

Наконец, остается вопрос *гуманистической функции* этносоциологии. Уверен, что эту функцию (как и некоторые другие) нельзя считать одним из элементов логической последовательности функций, поскольку в демократическом обществе она должна быть *сквозной* для любого обществоведческого теоретизирования.

Место и роль этнической социологии в структуре социологического знания

Представления об **общей структуре** социологического знания, сложившиеся в 1950-х годах после выхода в свет работы американского социолога Роберта Мертона “Социальная теория и социальная структура” [Мертон, 1996], без существенных изменений сохраняются (но не всегда доминируют) и сегодня. Эта структура является трехступенчатой и выглядит так:

1. Общая социологическая теория.
2. Социологические теории среднего уровня (ранга) (или специальные социологические теории, отраслевые социологические теории).
3. Теория, методика и техника конкретно-социологических (эмпирических) исследований.

Чтобы показать **место** этносоциологии в этой структуре, обратимся к *социологическим теориям среднего уровня*, которые в отечественной социологии традиционно раскладываются на *три подгруппы*, а именно:

- 1) теории, изучающие отдельные общности (социология города, социология села, этносоциология и др.);
- 2) теории, изучающие жизнедеятельность общностей в отдельных сферах (социология воспитания, социология труда, социология экономики, социология образования и др.);
- 3) теории, изучающие отдельные элементы социального механизма (социология активности, социология организации, социология социального контроля) (подр. см.: [Лукашевич, Туленков, 2006: с. 28]).

Но существуют и несколько иные подходы. Так, Н.Черныш [Черныш, 2009: с. 29–30], осуществляя деление *социологических теорий среднего уровня*, выделяет *две подгруппы*:

- 1) специальные социологические теории, изучающие субъекты общественной жизни (социология личности; социология семьи; социология класса; социология сословия, слоя; *социология этноса; социология нации и т.п.*);
- 2) специальные социологические теории, которые изучают жизнедеятельность социальных субъектов в отдельных сферах (социология культуры; социология религии; социология политики; социология труда и управления; социология досуга; социология образования; социология воспитания и т.п.).

Таким образом, *этническая социология* в общей структуре социологического знания занимает место социологической теории среднего уровня (или специальной отраслевой социологической теории).

Обратимся к **роли** этнической социологии в общей структуре социологического знания. Как социологическая теория среднего уровня, она, так сказать, “сверху” соотносится с общесоциологической теорией, благодаря чему опирается на нее как на свои методологические основания, но, с другой стороны, обогащает ее теми своими теоретическими обобщениями, которые выходят за узкодисциплинарные рамки и имеют общесоциологическую весомость.

Однако еще более тесные связи этническая социология, пожалуй, имеет “внизу” — то есть с уровнем конкретно-социологических (эмпирических) исследований, для которых она, с одной стороны, служит теоретико-методологической базой и играет роль “поставщика” теоретических проблем, которые нужно практически исследовать, и гипотез, которые необходимо проверять. С другой стороны, и сами этнические социологи-теоретики постоянно накапливают данные и проблемы, которыми их “снабжают” этносоциологи-эмпирики и которые требуют обобщения и концептуализации. Таким образом происходит развитие и обогащение этносоциологии как социологической теории среднего уровня.

Целесообразно обратить внимание читателя на то обстоятельство, что этническая социология (вместе со всеми социологическими теориями среднего уровня) испытывает на себе влияние как “сверху”, так и “снизу”. Речь идет о единой для всех социологических теорий среднего уровня общесоциологической методологии, а также о едином для них общесоциологическом эмпирическом инструментарии. Однако у каждой из указанных сторон каждой из социологических теорий среднего уровня существуют и специфические связи.

Наконец, под иным углом зрения можно было бы обратиться и к сравнению структуры социологического знания со структурой знания этнологического. Тогда, соответственно, определяя *место этносоциологии в структуре этнологического знания*, этнологию можно рассматривать как общеэтническую теорию, этносоциологию — как этническую теорию среднего уровня, а конкретные (эмпирические) этносоциологические исследования вряд ли нуждаются в каком-либо сравнении. В соответствии с изложенным выше подходом можно рассматривать также *роль этносоциологии в структуре этнологического знания*.

Связь этнической социологии с другими науками

Поскольку этносоциология является социологической теорией среднего уровня, то в этой плоскости ее, условно говоря, “материнской” наукой выступает *общесоциологическая теория*. Но как этносоциология она имеет и свою “базовую” науку — *этологию*, которая выполняет методологическую функцию в отношении всех “этнонаук” (этнографии, этнопсихологии, этнополитики, этноэкологии, этнолингвистики и т.п.).

Какими же должны быть связи всей совокупности наук, название которых начинается с “этно-”, с этнологией? Полагаю, каждая из них, включая этносоциологию, должна использовать методологические и теоретико-методические наработки их “базовой” науки. С другой стороны, такими же должны быть связи этих наук с “материнскими” науками (социологией, психологией, педагогикой и т.п.).

Однако связи “этнонаук” с этнологией и “материнскими” науками обычно имеют и обратное направление. В частности, для этносоциологии это означает необходимость “работать” на повышение теоретического уровня как этнологии, так и общесоциологической теории.

Вместе с тем этносоциология находится во взаимосвязи с родственными науками, к которым относятся все “этнонауки”, а также некоторые специальные социологические теории. Например, В.Середа отмечает: “...курс “Этносоциология” теснее всего связан с такими курсами, как “Методология социологических исследований”, “Социология гендера”, “Социология культуры”, “Социология личности”, “Социология постмодернизма” [Середа, 2007: с. 6].

Что касается причин рассматриваемой взаимосвязи, то, по мнению В.Арбениной, “любая специальная социологическая теория (социальной структуры, социология политики, экономическая социология, социология семьи и т.п.) не может абстрагироваться от анализа этнической специфики исследуемых ею явлений и процессов” [Арбенина, 2007: с. 15]. Таким образом, характер данной взаимосвязи можно определить как *взаимообогащение*. Но нас здесь в первую очередь должно интересовать соответствующее обогащение этносоциологии.

Определение этнической социологии как науки

Сложность подобного определения заключается в том, что этносоциология сформировалась как синтез этнологического и социологического теоретизирования, который должен быть отражен в ее дефиниции. Всегда ли

это происходит? К примеру, И. Варзар утверждает, что “этносоциология — отрасль теоретико-обществоведческого знания, которая изучает общесоциологические закономерности и формы общественной (социальной) жизни этносов, народов как совокупных исторических субъектов, их индивидуальных и групповых представителей — отдельных людей и общностей — в конкретных, ситуативных и адекватно-феноменальных проявлениях” [Варзар, 1993: с. 179].

Анализ этого определения заставляет воспринимать этносоциологию не как социологическую и одновременно этническую теорию среднего уровня, а скорее как синтез общесоциологической теории и этнологии, поскольку эта наука, согласно И. Варзару, “изучает общесоциологические закономерности ... жизни этносов”.

По мнению В. Евтуха, “этносоциология — наука, изучающая параметры социальной структуры народов (в этническом, а не политическом значении термина), весомые явления культуры разных этносов, взаимообусловленность изменений в культуре, в частности в языке, быте, этнических ориентациях, закономерности и особенности межэтнических отношений” [Евтух, 2003: с. 10]. В этом определении, на мой взгляд, отражаются не так сущность науки, и даже не ее предмет, а скорее ее предметное поле.

В свою очередь В. Середа считает, что “этносоциология — это одна из *специальных социологических теорий* (курс. мой. — А.Н.), которая исследует происхождение, сущность и функции этнических и национальных общностей” [Середа, 2007: с. 20]. Первую часть этого определения считаю вполне удачной.

Завершая рассмотрение этносоциологии как науки, учитывая все выказанные в процессе этого рассмотрения суждения и приведенные аргументы, предлагаю следующее определение: этносоциология — это социологическая теория среднего уровня, которая изучает социальную обусловленность этнических проблем и этническую обусловленность социальных проблем общества с полиэтническим составом населения, опираясь, с одной стороны, на методологические основания общесоциологической теории и этнологии (как отрасли социально-философского знания), а с другой стороны, используя и концептуализируя материалы конкретных социологических исследований.

Напоследок приведу удачное замечание В. Середы, которая, в частности, пишет: “Отечественная этносоциология часто ссылается на теоретические интерпретации этноса и нации, концептуализации феноменов этнической и национальной идентичности, которые разрабатываются в трудах теоретиков национализма (Б.Андерсона, Э.Геллнера, Э.Смита). Сравнение украинской этносоциологии с ее западными аналогами позволяет очертить контекст, в котором предстают те или иные теории или эмпирические исследования, касающиеся этнических или национальных общностей. Главной целью такого сравнения является предостережение от механической аппликации “первых попавшихся” теоретических подходов или исследовательских моделей к украинскому случаю либо эклектичного объединения их, без углубленного понимания и учета времени и контекста, в котором они возникли” [Середа, 2007: с. 21–22].

* * *

Начав утверждаться на территории бывшего СССР в 1960-х — 1980-х годах, этническая социология сегодня (по крайней мере в Украине и в Российской Федерации) окончательно конституировалась как отдельная наука и легитимировалась именно под таким названием. Правда, некоторые украинские социологи до сих пор отдают предпочтение таким названиям, как “Этносоциология и социология нации” (Н.Черныш) или “Социология этноса” (Н.Лукашевич, Н.Туленков).

Хотя в среде украинских этносоциологов этническая социология представлена как социологическая теория среднего уровня (В.Середа), они фактически не рассматривают ее место и роль в структуре социологического знания. Вместе с тем признание важности проблемного подхода к освещению этнонациональной тематики (В.Арбенина, Н.Черныш) не сопровождается воплощением этого подхода в определение объекта и предмета этносоциологии (В.Евтух).

Рациональная идея о введении в предметное поле этносоциологии проблем становления нации (В.Арбенина) неожиданно трансформируется в такой неприемлемый, на мой взгляд, теоретический конструкт, как “этнонациональные группы” в качестве объекта (В.Арбенина) или предмета (Н.Черныш) этносоциологии. Это является следствием отождествления понятий “этнос” и “нация”, что, в свою очередь, вытекает из бромлеевского понимания нации как высшего этапа развития этноса.

Уместным представляется предложение В.Арбениной выделять в ряду социальных функций этносоциологии наиболее важную, самую главную, но, полагаю, этого нельзя достичь без определения объекта и предмета науки, а также без видения наиболее актуальной проблемы в этнонациональной сфере, возникающей в конкретный исторический период жизни общества. С этим выводом тесно коррелирует мысль о том, что *приоритеты предметных направлений этносоциологических исследований имеют “национальный” характер* (Н.Лукашевич, Н.Туленков). Из этого следует вывод, согласно которому предметное поле этносоциологии не является чем-то устойчивым.

Литература

Арбенина В.Л. Етносоціологія : навч. посіб. / Арбенина В.Л. — 2-ге вид., перероб. і доп. — Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. — 315 с.

Арбенина В.Л. Етносоціологія : навч. посіб. / Арбенина В.Л. — Х. : Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2004. — 194 с. — (Ч. 1 : Теоретико-методологічні проблеми дослідження етнонаціональних феноменів).

Арутюнян Ю.В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / [Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А.]. — Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М. : Наука, 1984. — 255 с.

Бромлей Ю.В. Предисловие / Ю.В. Бромлей // Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. — Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М. : Наука, 1973. — С. 3–5.

Варзар І.М. Етнічна соціологія, етносоціологія / І.М. Варзар // Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії / відп. ред. Ю.І. Римаренко, І.Ф. Курас. — К., 1993. — С. 179–180.

Вітман К.М. Особливості етнонаціональної політики Чехії: дискримінація неєвропейських меншин / К.М. Вітман // *Держава і право* : зб. наук. пр. — К. : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2009. — С. 630–637. — (Юридичні і політичні науки. — Вип. 43).

Гидденс Энтони. Социология / Гидденс Энтони ; [при участии К. Бердсолл] ; пер. с англ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.

Горовиц Д.Л. Міжетнічні конфлікти / Горовиц Д.Л. ; пер. з англ. О.А. Ківшик. — Харків : Каравела, 2004. — 684 с.

Дробижева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований / Л.М. Дробижева // *Социологический журнал*. — 2006. — № 3–4. — С. 89–101.

Євтух В. Етносоціологія // Євтух В.Б., Трощинський В.П., Галушко К.Ю. та ін. // *Етносоціологія* : терміни та поняття : навч. посіб. — К. : Вид-во УАННП “Фенікс”, 2003. — С. 10–11.

Євтух В. Етносоціологія: об’єктно-предметне поле і перспективи досліджень / Євтух В. // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 2007. — № 2. — С. 5–16.

Кресіна І.О. Безальтернативна міграційна політика / І.О. Кресіна, О.М. Стойко // *Держава і право* : зб. наук. пр. — К. : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2009. — С. 626–629. — (Юридичні і політичні науки. — Вип. 43).

Крисаченко В.С. Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри : [монографія] / В.С. Крисаченко. — К. : НІСД, 2005. — 368 с.

Куценко О. Європейські візії та розрізнення: порівняльні дослідження в удосконаленні викладання соціології / О. Куценко, С. Бабенко // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 2009. — № 4. — С. 186–194.

Лукашевич М.П. Соціологія. Загальний курс : підруч. / Лукашевич М.П., Туленков М.В. — 2-ге вид. — К. : Каравела, 2006. — 408 с.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Мертон Роберт ; пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. — М. : АСТ : Хранитель, 2006. — 874 с.

Міграційні процеси в Україні: сучасний стан і перспективи / за ред. О.В. Позняка. — Умань, 2007. — 276 с.

Нельга О.В. Етнос, народ, нація як поняття і соціокультурні феномени / О.В. Нельга // *Філософська думка*. — 2006. — № 4. — С. 36–55.

Нельга О.В. Теорія етносу / Нельга О.В. : курс лекцій : навч. посіб. — К. : Тандем, 1997. — 368 с. — (Трансформація гуманітарної освіти в Україні).

Про ратифікацію Угоди між Україною та Європейським Співтовариством про реадмісію осіб : Закон України від 15 січ. 2008 р. № 116–VI // *Відомості Верховної Ради України*. — 2008. — № 9, 29 лют. — С. 296–304.

Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея / С.Е. Рыбаков // *Этнографическое обозрение*. — 2001. — № 1. — С. 3–22.

Середа В.В. Етносоціологія : навч. посіб. / Середа В.В. — Львів : Видав. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2007. — 160 с.

Стан дотримання та захисту прав громадян України за кордоном : Спеціальна доповідь Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини. — К. : Омбудсман України, 2003. — 190 с.

Черниш Н.Й. Соціологія : підруч. [за рейтингово-модульною системою навчання] // Черниш Н.Й. — 5-те вид., перероб. і доп. — К. : Знання, 2009. — 468 с. — (Тема 10. Етносоціологія і соціологія нації. — С. 239–276).